

**«Перелом эпох»
в литературно-философском осмыслении
И.А. Бунина и Вяч. Иванова***

А.А. Доронина

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена философскому анализу творчества И.А. Бунина и В.И. Иванова с точки зрения их оценки истории России, русской культуры, литературы и языка. Выявляется сближение и расхождение позиции Ивана Бунина и Вячеслава Иванова по отношению к событиям русской революции. В работе делается попытка показать особое положение, которое занимает творчество И.А. Бунина и В.И. Иванова в литературе Серебряного века, а также отношение поэтов друг к другу. Отдельное внимание уделяется критике в адрес поэтов со стороны их современников. В статье рассматривается специфика восприятия В.И. Ивановым и И.А. Буниным русской революции 1917 года в рамках их идейно-художественных и социально-политических представлений, проясняются критерии эстетической и этической оценки революционных событий. Особое внимание уделено трактовке Ивановым глубинных причин революции: кризиса индивидуализма и стремления к новой органической эпохе. В статье также обсуждаются отношение писателей к орфографической реформе 1918 года, особенности понимания Ивановым и Буниным языка и его значения для нации, а также основные выводы, к которым приходят В.И. Иванов и И.А. Бунин в своих интерпретациях революционных изменений в стране. Автор приходит к выводу, что образ России, ее культуры и революции имеет в художественном мироощущении В.И. Иванова и И.А. Бунина важные отличия, ввиду несовпадения их экзистенциальных позиций в отношении религии, мистики, социального и политического устройства страны, а также задач и целей искусства.

Ключевые слова: философия культуры, философия истории, русская революция, христианское единство, кризис индивидуализма.

* Исследование выполнено за счет средств гранта Президента Российской Федерации МК-3702.2019.6 «Экуменистические проекты русских мыслителей второй половины XIX – начала XX веков». Соглашение № 075-15-2019.

Доронина Анна Александровна – аспирант Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ.

adoronina@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0002-6443-5551>

Для цитирования: Доронина А.А. «Перелом эпох» в литературно-философском осмыслении И.А. Бунина и Вяч. Иванова // Философские науки. 2020. Т. 63. № 6. С. 65–81.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-6-65-81

The Theme of the Change of Times in Ivan Bunin and Vyacheslav Ivanov's Literary and Philosophical Interpretation*

A.A. Doronina

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Abstract

The article presents a philosophical analysis of I.A. Bunin and V.I. Ivanov's concepts and views on Russian history, culture, literature, and language. The research reveals common and different in the positions of Ivan Bunin and Vyacheslav Ivanov regarding the events of the Russian revolution. An attempt is made to show the special place occupied by I.A. Bunin and V.I. Ivanov in the literature of the Silver Age as well as their attitude toward each other. Special attention is paid to criticism of the writers by their contemporaries. The article discusses the specifics of V.I. Ivanov and I.A. Bunin's attitude to the Russian revolution of 1917, based on their ideological, artistic, and socio-political views. The author examines their criteria for aesthetic and ethical assessments of some revolutionary events. Particular attention is paid to Ivanov's interpretation of the root causes of the revolution: the crisis of individualism and the desire for a new organic era. The article also discusses the writers' attitude to the reform of Russian orthography of 1918, the peculiarities of Ivanov and Bunin's understanding of the language and its significance for the nation as well as the main findings reached by V.I. Ivanov and I.A. Bunin in their interpretations of the revolutionary

*The research is supported by the grant of the President of the Russian Federation МК-3702.2019.6 "Ecumenical Projects of Russian Thinkers of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries."

changes in the country. The articles concludes that the image of Russia, its culture and revolution is manifested in their artistic worldview in different ways, due to the mismatch of their existential positions on religion, mysticism, social and political structure of the country as well as on the tasks and goals of art.

Keywords: philosophy of culture, philosophy of history, Russian revolution, Christian unity, crisis of individualism.

Anna A. Doronina – postgraduate student of School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics; Research Assistant, International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University Higher School of Economics.

adoronina@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0002-6443-5551>

For citation: Doronina A.A.. (2020) The Theme of the Change of Times in Ivan Bunin and Vyacheslav Ivanov's Literary and Philosophical Interpretation. *Russian Journal of Philosophical Sciences= Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 6, pp. 65–81. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-6-65-81

Введение

Эпоха рубежа XIX–XX вв. остается в памяти русской истории, философии, искусства и литературы одной из наиболее ярких и многосложных. Опасное и неоднозначное смешение политики и эстетики, как однажды заметил мыслитель Ф.А. Степун, с одной стороны, предоставило широкое поле для творческих экспериментов, но с другой стороны, – едва ли оставило пространство для самоопределения личности, для внутренней свободы к поиску истины: «Слева наступала... политика: Маркс, пролетарий, община, Пресня, Дума; справа эстетика: Ницше, Соловьев, соборность, Бодлер, Маларме, Ибсен, “оркестра”...» [Степун 1962, 90].

В статье будет предпринята попытка показать, каким образом сложился творческий путь двух ярких авторов культуры Серебряного века Ивана Алексеевича Бунина и Вячеслава Ивановича Иванова, проследить центральные аспекты идейных сближений и расхождений поэтов и выявить, в чем заключалось «особенное» положение каждого из них по отношению к литературной среде Серебряного века.

Удивительно, каким образом сложилась судьба И.А. Бунина и Вяч.И. Иванова, родившихся и умерших с разницей в четыре года. Будучи современниками, принадлежащими одной интел-

лектуальной эпохе, они почти не пересекались в жизни и были представителями разных литературных кругов.

Знаменитые журфиксы на «башне» Иванова не интересовали Бунина, однако известны воспоминания его жены В.Н. Муромцевой-Буниной о единственном посещении И.А. Буниным литературного «сборища» декадентов [Муромцева-Булнина 1958].

В воспоминаниях Л.В. Ивановой есть маленькое упоминание о том, что их дом в Риме в 1936 г. посещал И.А. Бунин: «Булнина все встретили с радостью, посадили за стол, начали расспрашивать. Он был совсем несчастный и имел вид затравленного зверя. После получения Нобелевской премии все с него требовали денег...» [Иванова 1992, 251].

В 2011 г. вышла в свет небольшая переписка И. Бунина и Вяч. Иванова, датированная 1937 г., – периодом времени, когда Бунин решает вновь посетить Вечный город, где давно уже обосновался Вяч. Иванов. Письма предваряют эту, в конечном итоге, не состоявшуюся поездку, в них обсуждаются формальные вопросы относительно благоустройства Ивана Алексеевича в Риме. Однако переписка, начатая таким образом, продолжилась, и уже из последовавших писем мы узнаем об отношении Иванова к творчеству Бунина. Характеризуя «литературную ученицу» Бунина, Иванов замечает: «Вышла она из Вашей школы: отсюда этот определенный рисунок, этот красочный хроматизм, эта склонность говорить о душевном языке пейзажа “*Ut pictura poesis*”» [Шишкин, Дэвис 2011, 136]. Эта небольшая, достаточно скромная характеристика литературного мастерства нобелевского лауреата Бунина от Вяч. Иванова, адресованная как бы не напрямую к мастеру, а только к его ученице, возможно, говорит нам не столько о достаточно сухих отношениях поэтов, сколько об их личностно-психологическом несходстве и духовно-мировоззренческой удаленности.

Хотя Вяч. Иванова формально относят к числу младосимволистов, он преодолел эстетические ограничения этого течения, сформулировав оригинальную теорию символизма, которая вобрала в себя всю многогранность его идей как литератора, исследователя культуры, филолога, философа, теоретика искусства. Иванов смотрел в будущее, и обращаясь к нему сегодня, мы не перестаем удивляться вневременности его творчества – масштабу культурного универсализма. С известной долей условности можно сказать, что имя писателя и поэта И.А. Бунина также стоит особняком среди современников. Творчество Бунина, не в

полной мере оцененное современниками, оказалось словно бы обращено в будущее. Духовная память его произведений сохраняет для потомков образ дореволюционной России, с ее уникальным колоритом деревни, дворянства, простых людей и крестьян.

И.А. Бунин и В.И. Иванов – поэты рубежа эпох

В 1915 г. И.А. Бунин отправляет С.П. Венгерову «Автобиографическую заметку». Два года спустя, в 1917 г., В.И. Иванов пишет для Венгерова «Автобиографическое письмо». Обе работы описывают жизнь и творческий путь поэтов с самого детства вплоть до становления в литературе. В них можно увидеть сходные интуиции и в то же время различие в интерпретации воссоздаваемых событий, в самой технике воспоминаний и создания образа.

Интересно обратить внимание на то, как в своей «Заметке» Бунин вспоминает детские годы, обращаясь к собственным переживаниям событий внутренней жизни, связанным с религиозным опытом, природой, поэзией, кругом близких людей. Далее, после перехода к описанию более зрелого возраста, тон его изложения немного меняется, повествование обретает более фактологический характер. «Письмо» Иванова во многом отвечает «Заметке» Бунина. В нем также ярко воссоздаются детские годы поэта и сопутствующие эмоциональные переживания: это снова вера, литература, воспоминания о матери. Однако переходя к рассказу о себе во взрослом возрасте, Иванов не останавливается: он лелеет эти воспоминания с той же силой, что и детские [Иванов 2004].

В своих «Встречах» Ф.А. Степун писал о Бунине так: «После “окаянных дней” революции творчество Бунина не сразу “пришло в память”. Но начиная с “Несрочной весны”, свет ее все сильнее и одухотвореннее озаряет писателя Бунина. Тема Баратынского, тема призрачных, но бессмертных “летейских теней”, торжествующих над тяжестью утрат и горестей, тема “неземной обители”, в которой “утверждаются” или, быть может точнее, возрождаются к вечной жизни умершие на земле образы, становится главной темой бунинского творчества» [Степун 1962, 98]. Высоко оценивая гений Ивана Алексеевича, Ф.А. Степун подчеркивал особенное, уникальное свойство послереволюционного творчества писателя: «Строй его последних созданий высок, прозрачен и спокоен» [Степун 1962, 98]. Эти качества Степун противопоставляет характеру произведений других авторов, в своих работах тосковавших по дореволюционной России, эмоционально, ярко выразивших

собственные чувства, с особой болью личных воспоминаний. Отсутствие надрыва – характерная черта бунинских произведений, «изображающих дореволюционную Россию» [Степун 1962, 98].

«Величавую простоту» и «величавое спокойствие» приписывал Бунину и один из его младших современников – Г.В. Адамович. Он подчеркивал отвлеченность Бунина от поветрия писательской моды, от желания соответствовать тенденциям эпохи: «По возрасту он принадлежал скорей к нашему веку, но больше чем кто-либо другой напоминал своим присутствием о связи столетий и о роковой опасности исчезновения преемственности и пренебрежения ею» [Адамович 1988, 189]. Эти характеристики творчества Бунина и самой личности писателя неслучайны: в непринятии революции есть последовательность – Бунин отказывается трактовать революцию по аналогии с культурой и искусством, как это делает, например, Андрей Белый, он не слышит музыки революции, как ее слышит Александр Блок. Это отчетливо заметно в «Окаянных днях»: Бунин не приемлет мистического, метафорического и какого-либо иного понимания событий. Так проявляется его строгость, приверженность стройности и порядку и отказ от романтизации.

Характерно, что именно этот поэт и писатель стал для современников воплощением связи с прошлым России, с памятью культуры о самой себе. Неоднократно Бунин подчеркивал свой пietet по отношению к Л.Н. Толстому, увлечение с юных лет Лермонтовым и Пушкиным, позже – Флобером. Ориентация на эстетические идеалы русской и европейской классики сделала Бунина вневременным последователем литературы «золотого века», по крайней мере, об этом говорит его личное стремление быть не меньше «больших писателей». Современную же литературу в 1915 г. он характеризовал следующим образом: «А ведь теперь дела стали еще хуже: литература наша изовралась невероятно, критика пала донельзя, провал между народом и городом образовался огромный...» [Бунин 2004, 396].

Исследователи творчества писателя отмечают не только небольшую критику Буниным современной ему литературы, но и, что характерно, частую критику в адрес самого Бунина. Формировавшийся как поэт и писатель в литературной среде до некоторой степени ему духовно не близкой, Бунин остро реагировал на какие-либо оценки своих произведений. Известная чуждость бунинского мироощущения господствовавшему в начале XX в.

модернизму делает эту фигуру эпохи Серебряного века обособленной от других поэтов и писателей. По признанию самого Бунина, многие современники производили на него «впечатление больных мальчиков с полным сумбуром в голове и в душе» [Бунин 2004, 396].

По замечанию Ф.А. Степуна, место, которое занял Бунин в мировой литературе, получив Нобелевскую премию, определено подлинностью или истинностью его творчества: «истина – не отвлеченно стоящая над ним идея, а кровь и плоть его духовно-душевно-телесного существа» [Степун 1962, 89]. Подлинен тот художник, кто не только равен себе, верен себе, но в котором его собственная личность соединяется с абсолютной истиной. Здесь Степун частично совпадает с Вяч. Ивановым, полагавшим характеристикой настоящего художника способность раскрыть в вещах «realioga», т.е. «реальнейшее», абсолютную реальность, равную абсолютной истине.

Траекторию творческой судьбы Вяч. Иванова тоже нельзя назвать безоблачной. Непростым было отношение и к Вяч. Иванову – оценки его творчества современниками зачастую были неоднозначны. Интеллектуал, «Вячеслав Великолепный», большой знаток древностей, «эллин» Иванов производил яркое впечатление, он едва ли был только символистом, только поэтом, только модернистом.

А.Ф. Лосев в своих «Последних воспоминаниях о Вяч. Иванове», который был для него в некоторой степени учителем, писал, что мировоззрение Иванова «есть и теория искусства, и теория философии, и теория истории, и теория человеческой жизни... Насколько это глубоко, разнообразно, в какой внутренней глубиной системе все объединено в одно целое» [Лосев 1989, 466]. Личность Иванова производила яркое впечатление на современников; из записей свидетелей «сред» на «Башне» мы узнаем, что для некоторых эти встречи были «высшим фокусом жизни» (М. Кузмин). В. Вейдле вспоминал, что «престиж Вячеслава Иванова среди них (искушенных в литературе современников Иванова. – А. Д.) был непререкаем и “успех” велик; и все-таки это был тот успех, который французы называют *succès d'estime*, успех уважения (в данном случае и преклонения)» [Вейдле 2016, 712].

Деятельность Иванова, его убеждения, попытки объединить несовместимое, «иератический» язык его стихов, не могли не вызывать реакций со стороны творческой интеллигенции – поэтов,

философов, литераторов. Многие его творчества не понимали; многие из тех, кто мог бы понять, этого делать не хотели, так как патетический стиль, во многом порожденный филологической «избыточностью» и беспрецедентной историко-культурологической эрудицией поэта, казался им порой неоправданным. Обвинение в плохих стихах (А. Ахматова) или внеэтичности самой личности Иванова (Н. Бердяев) совмещалось с простой невозможностью понять его. Возможно потому, что в своих стихах Вяч. Иванов расширял возможности языка: «отодвигал хронологическую границу языка назад, к эпохе В. Третьяковского, М. Ломоносова и Г. Державина, и вперед, к словесным экспериментам А. Ремизова, В. Хлебникова и О. Мандельштама» [Шишкин 2016, 12–13].

Исследователи культурной среды Серебряного века отмечают, что только А. Блок – единственный в свое время – смог понять Иванова и оценить его публицистику и стихи так, как оценил бы человек из другого времени. Блок, склонный к профетизму в своем поэтическом высказывании, смог увидеть личность символиста как бы со стороны, *sub specie aeternitatis*. «Как бы осозная свое исключительное положение очень сложного поэта, Вяч. Иванов стал теоретиком символизма», – писал А. Блок в 1905 г., когда вышли сборники Иванова «Кормчие звезды» и «Прозрачность» [Блок 1962, 7]. Поэт также разделял убеждение Иванова о значении символа, увидев в нем инструмент «умного деланья» поэта.

Убеждения Вяч. Иванова, которые разделял А. Блок, были чужды мэтру символизма В. Брюсову. Однако именно в журнале последнего Иванов опубликовал свою статью, что говорит о стремлении модернистской среды к диалогу различных художественных стилей и творческих опытов.

«Окаянные дни» революции

Известно, что Бунин революцию не принял, осуждал большевизм, не понимал народничества как преклонения перед неким «народом» (понятием, которое, как замечал писатель, определяют неизвестным образом), не принимал участия в политических партиях.

В народничестве Бунин прослеживал попытку самооправдания революции, которая не могла не иметь под собой хотя бы малейшего морального основания, однако признавал ее во многом наигранной, построенной, прежде всего, на оппозиции царской России.

Но что представляется Бунину таким ценным в той России, которой больше нет? Почему он сохраняет эту страну в своей памяти и остается преданным этой памяти?

В своих произведениях и дневниковых записях Бунин выявляет ее характерную черту – «налаженность жизни». После революции, по Бунину, никакой жизни в России нет, есть ее имитация, суррогат, провозгласивший свободу от всего того, «чем живо человеческое общество» [Бунин 2018, 160]. Такое признание жизненного лада, строя, иными словами – того, что называется укладом жизни, – в качестве основополагающего для сохранения страны у Бунина не случайно. Его посыл к самому себе, к обществу краток, но убедителен: он заключается в требовании осмысленного дела. Бунин противопоставляет этому веский эпитет – *праздность* приходит на смену «налаженности жизни». Такие характеристики как бессмысленность, свобода от всего, произвол, праздность, – невыносимы для Бунина, несовместимы с жизнью в ее полноценном смысле, они убивают осмысленное человеческое действие. Яркая иллюстрация – запись в дневнике Бунина от 24 апреля 1918 г.:

И на полпути извозчик неожиданно сказал мне <...>:

– Теперь народ, как скотина без пастуха <...>.

Я спросил:

– Так что же делать?

– Делать? – сказал он. – Делать теперь нечего... [Бунин 2018, 161].

Таким образом, Бунину как художнику представляется общая драматическая картина происходящего, он выявляет экзистенциальный и исторический тупик, к которому ведет революция. Царская Россия имела свою цельность и самобытность в народной и дворянской культуре, жизнь и ее уклад способствовали размеренному ходу.

Мнение Бунина о том устройстве России, которое революция была призвана свергнуть, заметно не совпадает с идеями многих его современников и братьев по перу. Критикуя неспособность городской интеллигенции оценить и понять дворянство и народ, Бунин с горечью замечает в «Автобиографической заметке», что «о дворянах теперешний городской интеллигент знает уже только по книжкам, о мужиках – по извозчикам и дворникам...» [Бунин 2004, 396], и исходя из этих своих знаний, интеллигенция тем не менее пишет о России в целом, делает далеко идущие

обобщающие выводы. Это, по Бунину, во многом искажает представление о стране.

Писатель не понимает популярности литераторов, увеличивающейся с разворачиванием революционной пропаганды, он замечает: «Русская литература развращена за последние десятилетия необыкновенно. Улица, толпа начала играть очень большую роль. Все – и литература особенно – выходит на улицу, связывается с нею и попадает под ее влияние» [Бунин 2018, 158]. В укоре символистам, декадентам и всем, кто «угождает» толпе, может слышаться снобизм и желание оказаться в стороне от тенденции, однако Иван Алексеевич очень последователен в своем отказе подчиняться революционным призывам. Он понимает обреченность происходящего, своим зорким глазом художника усматривает отсутствие в нем центральной эстетической категории – гармонии, обеспечивающей согласованность и цельность жизни.

На фоне ярко выраженной гиперкритической оценки революции Буниным отношение Вяч. Иванова к революционным событиям кажется не столь резким.

Как отмечает современный российский философ и культуролог А.Л. Доброхотов, Вяч. Иванов отнесся к революционному перевороту большевиков лояльно, по крайней мере он дал ему шанс обернуться «новой органической эпохой», однако, как выяснилось, «мечта Вяч. Иванова об “органической эпохе” в значительной мере оказалась утопией, но связанная с этим критика индивидуализма и либерального гуманизма не утратила для Иванова валентности» [Доброхотов 2017, 78].

Революция, в представлении Иванова, могла воплотить в себе становление народной соборности, стать началом отречения от эпохи индивидуализма. Уже в 1905 г. в «Кризисе индивидуализма» Иванов писал о зарождении нового символа – анархии, понятой, однако, не в духе Кропоткина. Новая органическая эпоха под знаком такой анархии (в определении Иванова – «безумие, решающее основную дилемму жизни: “сытость или свобода,” – решительны избранием “свободы”») должна стать следующим этапом после преодоленной эпохи индивидуализма [Иванов 2018, 78]. Под культурой индивидуализма Иванов понимает западноевропейскую культуру с начала эпохи Возрождения, которая и создала такие типы как Дон Жуан, Фауст, Вертер, Карл Моор и т.д. Эпоха индивидуализма, за что мы ей и благодарны, открыла внутренние законы личности и ее свободы. Однако Иванов

предпочитает искать новую этику взамен этике индивидуализма (которая в единственном виде и существует в западной цивилизации). Согласно Иванову, враг и соборности, и индивидуализма – дифференциация, т.к. секулярный индивидуализм, доведенный до своего предела, есть дифференциация. Субъект утратил свою субъективность и стал лишь становлением, но не реальным бытием. В этом контексте зарождается социально-мистический идеал Иванова: мистический анархизм.

Однако за словами надежды приходят разочарования: «Самоопределение народное доселе не обнаружилось. Ибо то, что мы называем революцией, не было народным действием, но только – состоянием... Отношения сил остались те же, что при старом строе: внизу народ, не находящий в себе сил не только самоопределиваться действенно, но и выйти из состояния политической бесчувственности, почти – бессознательности; вверху – воздействующие на него групповые энергии, правительствующие силы, ему внеположные» [Иванов 1979б, 359].

Упрек в неверном истолковании понятия народа, сказанный Буниным защитникам революции, мы находим и у Иванова. Представление о народе не может быть отделено от понимания религиозной связи между людьми, русская революция же сама по себе контррелигиозна. Как теоретик искусства Иванов выявляет два ключевых модуса революции – *революционное действие* и *революционное состояние*, – которые проявляются в ходе революции 1917 года не по правилам священной войны за свободу и народное единство. Революционное действие оказывается неспособным оправдать само себя, оно сводится к «провозглашению отвлеченных схем общественной мысли и гражданской морали», а революционное состояние, в самой логике которого должен присутствовать творческий акт, «принимает характер состояния болезненного, избобличаемого грозными симптомами все растущего безначалия и общей разрухи» [Иванов 1979б, 364].

Революционный бунт Иванов приравнивает к «уничтожению народного лика», поэтому те, кто выступает на стороне революции за родину и ее народ, представляются Иванову «свокорыстными» обманщиками, в «патриотическом самобичевании» лишь исполняющие свою роль [Иванов 1979б, 356].

Показательным является работа Вяч. Иванова, вошедшая в знаменитый сборник статей о русской революции «Из глубины» (1918), для которого он написал текст, посвященный русскому

языку. Нельзя не заметить, что статья «Наш язык» на первый взгляд содержательно несколько выпадает из общего списка историософских и публицистических текстов этого сборника. Действительно, о проблеме русского языка, обостренной в послереволюционное время, на страницах сборника говорит только филолог Вяч. Иванов и С.Н. Булгаков. Но если у Булгакова осуждение в адрес новой «мерзкой» орфографии и «товарищеского жаргона» высказывает герой его диалога, то у Вяч. Иванова ситуация, сложившаяся с русским языком, – центральная тема статьи [Иванов 1990]. Проблема русского языка становится проблемой русского общества. Характерно, что текст этот вошел именно в сборник «Из глубины». Русского Иванова проблема «раздранности» страны волновала не менее других, однако о ней он предпочел говорить в контексте истории языка.

Вячеслав Иванов пишет статью после революции 1917 года, и его осуждения в неверном употреблении языка, в небрежности в отношении языка – направлены прежде всего на всевозможные лингвистические эксперименты со стороны новой власти и новой литературы.

Действительно, об орфографической реформе высказались тогда многие литераторы и философы. И.А. Бунин записал в своем дневнике короткое высказывание: «По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевистского правописания. Уж хотя бы по одному тому, что никогда человеческая рука не писала ничего подобного тому, что пишется теперь по этому правописанию» [Бунин 2018, 169]. В этой фразе подчеркивается неприязнь к большевикам, это мнение Бунина становится политическим актом неприятия новой власти. Описывая обстоятельства проведения столетнего юбилея со дня рождения И.С. Тургенева, Бунин делает еще более сильное утверждение, что «литература Пушкина, Толстого, Тургенева за последние десятилетия так низко пала... настолько потеряла ум, вкус, такт, совесть и даже простую грамотность, так растлила и втоптала в грязь “великий, правдивый русский язык”, что для меня достаточно было бы и одного этого, чтобы встретить тургеневский юбилей только стыдом и молчанием» [Бунин 2018, 292]. Таким образом, ответственность за состояние русского языка Бунин вменяет не только и не столько большевикам, сколько писателям и поэтам, «потакающим» желаниям толпы и новой власти.

Однако и Иванов в своем тексте, написанном о языке, о его значении для нации, не настолько далек от острых социально-

политических вопросов того времени и вполне политически ангажирован. Иванов – символист. И за его словами, относящимися, казалось бы, только к языку, угадываются слова, обращенные против нового строя: «Закон правых отношений в великом – верен себе и в малом: чем больше уставности, тем меньше разрушительного произвола и насильственной принудительности. Нелепо исходить из предположения, что какая-либо данность, подлежащая школьному усвоению, может изменяться в зависимости от условий этого усвоения или должна к ним приспособляться: данность гетерономна школе, но последняя вольна определить свое отношение к данности, найти меру ответствующего ее целям усвоения» [Иванов 1990, 148]. Здесь Иванов резко осуждает попытки редуцировать русский язык до уровня орудия выражения мысли и достижения политических целей, ограничить его до одной-единственной функции, подчеркивает невозможность упрощения языка до уровня масс, наоборот, по мысли Иванова, приспособиться должны люди, и каждый – в меру своих способностей. Согласно Иванову, язык есть сочетание свободы и необходимости, божественного и человеческого, создание духа народного и Божий народу дар.

Заключение

В своем воспоминании об Иване Алексеевиче Бунине Г.В. Адамович отмечал, что поэту была чужда религиозность, хотя «он уважал православную церковь, как установление, сроднившееся в течение веков с дорогой ему Россией, он ценил красоту церковных обрядов» [Адамович 1988, 189]. В «Автобиографической заметке» Бунин подчеркнул, что не придерживается «никакой ортодоксальной веры», хотя любит богослужения в некоторых православных храмах и храмах других религий [Бунин 2004, 392]. Однако Ф.А. Степун сказал о Бунине, что присутствующая в его произведениях «абсолютная истина» является показателем не только «обостренного художественного зрения», но и подлинной «духовности» [Степун 1962, 98].

О Вяч. Иванове можно с полной уверенностью сказать, что он был абсолютно религиозным мыслителем. Эстетика, этика, онтология, эпистемология его символизма – все было подчинено религиозной идее. Религию он понимал как форму самой жизни, целью которой является самоопределение человека к Богу. Его неприятие революции во многом было вызвано внерелигиозным ее

состоянием, однако 11 ноября 1917 г. он написал стихотворение, в котором отреагировал на события революции 1917 года и выразил надежду на будущее духовное возрождение России:

Знаю, Господи, – будет над Русью чудо:
Узрят все, да не скажут, пришло откуда.
<...>
Но делом единым милости Господней
Исхищена будет Русь из преисподней... [Иванов 1987, 65].

После революции Вяч. Иванов, в отличие от Бунина, эмигрировавшего в 1918 г., сотрудничал с советской властью и даже был политически активен, вступив в Наркомпрос. Однако это сотрудничество было вынужденным, и стремление уехать из новой России его не оставляло. В 1924 г. Иванов покинул Россию навсегда, обосновавшись в Риме. Для Иванова, как человека большой культуры, его годы в Риме, вдали от родины, были счастливыми. В 1926 г. Иванов принял католичество без отречения от православия, по формуле, составленной Владимиром Соловьевым и опубликованной в книге «Россия и Вселенская церковь». Это решение стало итогом тридцати лет размышлений; в письме к французскому писателю Ш. Дю Босу Иванов замечал: «...Я впервые почувствовал себя православным в полном смысле этого слова, обладателем священного клада, который был моим со дня моего крещения, но обладание которым до тех пор, в течение уже многих лет, омрачалось наличием чувства какой-то неудовлетворенности, становящейся все мучительней, и мучительней от сознания, что я лишен другой половины живого того клада святости и благодати» [Иванов 1979а, 429]. Однако следование идее Вл. Соловьева осталось личным решением и не рассматривалось самим поэтом и мыслителем в качестве нормативного. Иванов подчеркивал, что его выбор не должен быть подвергнут «доктринизации», и не будет предписан другим в качестве нового правила спасения. Скорее наоборот, для Иванова окажется важным личный опыт, приход к этому по собственной воле, согласно глубинным внутренним переживаниям. Однако это желание Иванова объединить в себе ветви христианства очень характерно, оно показывает его стремление к универсализму на основании христианского единства как в европейской культуре, так и в своей собственной жизни.

Совсем иначе проявилось мироощущение И.А. Бунина. Написанная во Франции спустя достаточное количество лет после революции «Жизнь Арсеньева» показала, как сильны остались для Бунина его воспоминания о России, которую он покинул сначала как внутренний эмигрант, насильственно, при помощи большевиков, лишивших страну в одночасье ее культуры, а потом по собственной воле вынужденный уехать за ее пределы, спасая себя и свой внутренний образ родины. Ф.А. Степун замечает: «В “Жизни Арсеньева” нет никаких приукрашений прошлого и плача о нем... и, главное, нет уже и проклятий революции... “Жизнь Арсеньева” – это громадное полотно, очень сложный показ России... Заснята Россия в “Арсеньеве” исключительно чувствительной фотокамерой» [Степун 2010, 467]. Не забывая покинутую Россию, Бунин сохранял ее культуру, ее язык в своих произведениях.

Художественное и философское осмысление будущего России и ее культуры стало одной из главных тем русской эмиграции. Бунин воспринял это как свой писательский долг, стремясь сохранить и передать экзистенциальный опыт «русскости», который он нес через всю жизнь. И хотя Бунина нельзя охарактеризовать исключительно как певца России, именно ее образ становится для него неизменным топосом памяти. Для Вяч. Иванова же образ далекой России предстанет скорее как мистический образ будущего – в лучах преображенного мира в культурно-историческом единстве Европы.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Адамович 1988 – *Адамович Г.В.* Бунин // Знамя. 1988. № 4. С. 178–191.
- Бунин 2004 – *Бунин И.А.* Автобиографическая заметка // Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. С.А. Венгерова; послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 2004. С. 390–396.
- Бунин 2018 – *Бунин И.А.* Окаянные дни: дневник, статьи, воспоминания. – СПб: Азбука-Аттикус, 2018.
- Блок 1962 – *Блок А.А.* Творчество Вячеслава Иванова // *Блок А.А.* Собр. соч. в 8 т. Т. 5 / под ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. – М.: Художественная литература, 1962.
- Вейдле 2016 – *Вейдле В.В.* Вячеслав Иванов // В.И. Иванов: pro et contra, антология. Т. 1 / сост. К.Г. Исупов, А.Б. Шишкин; коммент. Е.В. Глуховой, К.Г. Исупова, С.Д. Титаренко, А.Б. Шишкина и др. – СПб.: РХГА, 2016. С. 586–587.
- Доброхотов 2017 – *Доброхотов А.Л.* Метафизика революции 1917 года в идеях и образах современников // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2017. № 1. С. 76–90.

Иванов 1979а – *Иванов В.И.* Письмо к Дю Босу // *Иванов В.И.* Собр. соч. в 4 т. Т. 3. – Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1979. С. 419–433.

Иванов 1979б – *Иванов В.И.* Революция и народное самоопределение // *Иванов В.И.* Собр. соч. в 4 т. Т. 3. – Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1979. С. 354–364.

Иванов 1987 – *Иванов В.И.* Стихотворения, не включенные в сборники // *Иванов В.И.* Собр. соч. в 4 т. Т. 4. – Брюссель: Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1987. С. 9–98.

Иванов 1990 – *Иванов В.И.* Наш язык // Из глубины: Сборник статей о русской революции. – М.: Изд-во Московского университета. С. 145–150.

Иванов 2004 – *Иванов В.И.* Автобиографическое письмо к С.А. Венгеру // *Русская литература XX века. 1890–1910* / под ред. С.А. Венгерова; послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 2004. С. 452–460.

Иванов 2018 – *Иванов В.И.* По звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы. Книга I. Тексты / ответ. ред. К.А. Кумпан. – СПб: Пушкинский дом, 2018.

Иванова 1992 – *Иванова Л.В.* Воспоминания. Книга об отце. – М.: Феникс, 1992.

Лосев 1989 – *Лосев А.Ф.* Из последних воспоминаний о Вячеславе Иванове // *Эсхил.* Трагедии / пер. Вяч. Иванова. – М.: Наука, 1989. С. 464–466.

Муромцева-Булнина 1958 – *Муромцева-Булнина В.Н.* Жизнь Бунина 1870–1906. – Париж, 1958.

Степун 1962 – *Степун Ф.А.* Встречи. – Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1962.

Степун 2010 – *Степун Ф.А.* И.А. Бунин и русская литература // *Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890 – 1950-е гг.).* Антология / общ. ред. Н.Г. Мельников. – М.: Книжница: Русский путь, 2010.

Шишкин 2016 – *Шишкин А.Б.* Вячеслав Иванов в зеркалах XX века // *В.И. Иванов: pro et contra*, антология. Т. 1 / сост. К.Г. Исупов, А.Б. Шишкин; коммент. Е.В. Глухой, К.Г. Исупова, С.Д. Титаренко, А.Б. Шишкина и др. – СПб.: РХГА, 2016. С. 7–15.

Шишкин, Дэвис 2011 – *Шишкин А., Дэвис Р.* Эпистолярный Вячеслава Иванова и И.А. Бунина 1937 года // *Русская литература. Историко-литературный журнал.* 2011. № 4. С. 133–137.

REFERENCES

- Adamovich G.V. (1988) Bunin. *Znamyu*. No. 4. pp. 178–191 (in Russian).
Bunin I.A. (2004) Autobiographical Note. In: Vengerov S.A. (Ed.) *Russian Literature of the 20th Century. 1890–1910* (pp. 390–396). Moscow: Respublika (in Russian).
Bunin I.A. (2018) *Cursed Days: Diary, Articles, Memoirs*. Saint Petersburg: Azbooka-Atticus (in Russian).

Blok A.A. (1962) The Works of Vyacheslav Ivanov. In: Blok A.A. *Collected Works in 8 Vols.* (Vol. 5). Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).

Dobrokhotov A.L. (2017) The Metaphysics of the Revolution of 1917 in the Ideas and Images of Contemporaries. *Forum of the Latest East European History and Culture*. No. 1, pp. 76–90 (in Russian).

Ivanov V.I. (1979a) Letter to Charles Du Bos. In: Ivanov V.I. *Collected Works* (Vol. 3, pp. 419–433). Brussels: Foyer Oriental Chretien (in Russian).

Ivanov V.I. (1979b) Revolution and People Self-Determination. In: Ivanov V.I. *Collected Works* (Vol. 3, pp. 354–364). Brussels: Foyer Oriental Chretien (in Russian).

Ivanov V.I. (1987) Verses outside Collections. In: Ivanov V.I. *Collected Works* (Vol. 4 (pp. 9–98). Brussels: Foyer Oriental Chretien (in Russian).

Ivanov V.I. (1990) Our Language. In: *De profundis: Collection of Articles on the Russian Revolution* (pp. 145–150). Moscow: Moscow University Press (in Russian).

Ivanov V.I. (2004) Autobiographical Letter to S.A. Vengerov. In: Vengerov S.A. (Ed.) *Russian Literature of the 20th Century. 1890–1910* (pp. 452–460). Moscow: Respublika (in Russian).

Ivanov V.I. (2018) *By the Stars. Essays Philosophical, Aesthetic and Critical. Articles and Aphorisms. Book 1*. Saint Petersburg: Puskinskiy dom (in Russian).

Ivanova L.V. (1992) *Memoirs. Book about the Father*. Moscow: Feniks (in Russian).

Losev A.F. (1989) From the Last Memories of Vyacheslav Ivanov. In: Aeschylus. *Tragedies* (V.I. Ivanov, Trans.) (pp. 464–466). Moscow: Nauka (in Russian).

Muromtseva-Bunina V.N. (1958) *The Life of Bunin 1870–1906*. Paris (in Russian).

Shishkin A.B. (2016) Vyacheslav Ivanov in the Mirrors of the 20th Century. In: Shishkin A.B. (Ed.) *V.I. Ivanov: Pro et Contra. Anthology* (Vol. 1, pp. 7–15). Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities (in Russian).

Shishkin A. & Davis R. (2011) The Epistolary of Vyacheslav Ivanov and I.A. Bunin of 1937 Year. *Russkaya literatura. Historical and Literary Journal*. No. 4, pp. 133–137 (in Russian).

Stepun F.A. (1962) *Meetings*. Munich: Fellowship of Foreign Writers (in Russian).

Stepun F.A. (2010) I.A. Bunin and Russian Literature. In: Melnikov N.G. (Ed.) *Classic without Retouching: The Literary World about the Work of I.A. Bunin: Critical Reviews, Essays, Parodies (1890s–1950s)*. Moscow: Kryzhnitsa, Russkiy put' (in Russian).

Weidle V.V. (2016) Vyacheslav Ivanov. In: Shishkin A.B. (Ed.) *V.I. Ivanov: Pro et Contra. Anthology* (Vol. 1, pp. 586–587). Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities (in Russian).